

Стася Лизкина

Серый Волк
и компания.
Волшебные истории

12+

Стася Лизкина
Серый волк и компания.
Волшебные истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38304528

SelfPub; 2018

Аннотация

Серый Волк из Сказочного Леса вынужден постоянно решать чужие проблемы и помогать всем лесным жителям. Старший следователь полиции, рыжая песчаная ведьма, госпожа Ирма ведет следствие как настоящий Шерлок Холмс, а помогает ей в этом купидон Траулель. Воинственный пингвин охраняет девичью честь, кошка охотится на дракона, научный сотрудник института фольклора находит последнее божество планеты Земля, а Баба-Яга, наконец, обретает свое девичье счастье. Некоторые персонажи полюбились автору настолько, что путешествуют из истории в историю, порой и сами попадая... ну вы поняли. Словом, это волшебные истории о том, что чудеса всё же СЛУЧАЮТСЯ.

Содержание

Ктулху и Серый Волк	5
Встреча на мосту	21
Мммузыка	23
Учитель испанского	28
Веселый Чихундрий	38
Они отплывали почти в полночь	42
Девочка и попугай	45
Конец ознакомительного фрагмента.	58

В оформлении обложки использована фотография junniferbaya340 с <https://pixabay.com/> по лицензии CC0 Creative Commons.

Ктулху и Серый Волк

Из крепкого сна Серого Волка вырвал какой-то звук. Он попытался игнорировать его. Не вышло. В дверь скреблись и тихонько потягивали:

– Воооолк, Вооолчек!

Волк негромко зарычал, поняв, кто это. Сердито рыкнул:

– Жди, сейчас выйду! – И вскочил с кровати. Заскулил.

Лапы и спину ломило. Утро было дождливым и началось отвратительно рано. Волк в очередной раз мысленно проклял свою давнюю молодость-глупость и Иван-Царевича, который уговорил его побыть конем, чтобы он смог поразить очередную пассию и ее вредного тощего папашу. О том, что настоящего коня они с Иваном накануне вечером вместе продали и пропили, он предпочитал не вспоминать. Выдохнул сквозь зубы, скривился и осторожно пошел к двери.

– Привет, Рыжая, – Волк старался не хромать. – Чего пожаловала?

– Ой, Волчек, ты нам тааак нужен! Прости, что не даю отдохнуть, но тебя велено отозвать из отпуска распоряжением Главного! – Лиса закатила глаза и, не меняя елейного тона, пропела: А с ногой у тебя чтооо?

– Ничего, – насупился Волк. – О порожек запнулся, так к тебе торопился. От вас, эйчаров, вечно ничего не скроешь. И сам не скроешься. Говори, что от меня надо?

Лиса томно обмахнулась хвостом.

– Ты не поверишь! Ситуация просто экстраординарная. И без тебя нам ну вообще никак.

– Подробности и покороче, – Волк зашагал в сторону Большой Поляны, вынуждая Лису двинуться следом. – Давай по дороге поговорим.

Рыжая торопливо засемила рядом, попыталась заглянуть в глаза, но поняв, что интрига не удалась, вывалила главное:

– К нам сегодня вечером придет Колобок! С внеочередной ревизией!

– Что, опять? – Волк остановился, почувствовал, как заныла спина и заломило лапы, и торопливо побежал дальше. – Ох, ты божечки мои, носорожечки мои!

– Ну, Волчеееек, – заныла Лиса, семена следом. – Ну куда ты так бежишь? Что это за фитнес с утра пораньше?

Волк нехотя остановился и прорычал:

– Зачем вам я? Круглым в прошлый раз Заяц занимался!

– Главный велел, Волкушка, – прижав уши, пролепетала Лиса. – Вы ж так хорошо с Колобком пели!

– Хорошо пели? – рявкнул Волк, и Лиса на всякий случай присела пониже. – Я с ним пел, потому что хитрый Косой объявил, что он веган и трезвенник, и свалил, а Круглый сказал, что у него душа песен просит! Он же без голоса совершенно.

– А Медведю понравилось, – прошептала Лиса.

– Потому что Медведь в младенчестве сам себе на ухо наступил. А ты, Рыжая, еще и на бис Колобка спеть просила и поближе к нему пересаживалась.

– А я ответственная, – Лиса застенчиво прикрыла физиономию хвостом. – Нам же нужно было подтвердить статус Заповедника. А Колобок потом отчет хороший написал.

Волк скривился и пробурчал себе под нос:

– Отчеет, – с досадой посмотрел на Лису. – Да что ж ты, Рыжая, всё хвостом прикрываешься, да кривляешься? Говори уже нормально. Зубы у тебя кривые, что ли?

– А вот сейчас было обидно, Волчек, – серьезно сказала Лиса и, убрав хвост с морды, села. – Ты рычи, да не забывайся.

– Извини, я огорчен, – не глядя на Лису, буркнул Волк и побежал дальше, чтобы через полминуты снова остановиться. – Но Колобок же приезжает к вечеру. А сейчас я вам зачем? Ты зачем меня разбудила?

– Так Колобок же с ревизией едет! А у нас в лесу такое! Он нас в два счета статуса Заповедника лишит!

– Какое? – Серый Волк сел, приготовившись слушать, и с тоской понял, что отпуск его кончился.

– И ты даже не в курсе? – удивилась Лиса и тоже села, обернув лапы хвостом. – У нас, Волчек, в лесу сектанты завелись.

– Я только вчера вернулся. В отъезде был, – Волк предпочел не объяснять, чем именно он был занят всю предыдущую

неделю. – Какие еще сектанты?

– Их Косой видел. Они разбили лагерь у Большого ручья. Секта у них там. И они всех вербуют.

– Куда вербуют?

– Ну в секту же! У них там даже статуя Божества есть.

– Рыжая, ты чего серьезно это всё? Какие сектанты? Какая секта? Какое Божество? И причем тут я? – последнее слово Волк почти провыл, поднял лапу и нервно почесал правый бок.

Лиса на всякий случай чуть отодвинулась и заботливо спросила:

– Ты, Волкушка, не блохастый часом? Вон как чешешься. Конечно, я серьезно. Я даже сама к ним ходила. Жабы, лягушки, ящерицы и прочая лесная мелочь. Они и меня вербовать пытались и Божество свое показали, статую Божества то есть. Они решили ее там установить, потому что их главному жрецу была благая весть.

– Благая весть, говоришь, – Волк почувствовал, что у него не только болит спина и лапы, но и дергается глаз. – А от меня чего надо?

– Волчек, ну ты же у нас специалист по связям с общественностью, – Рыжая предусмотрительно отсела подальше. – Вот и скажи этой общественности, чтобы они покинули наш лес. Это, между прочим, не моя идея, Медведь распорядился.

– Вот и сказал бы им об этом, – Волк встал.

– Ты чего, Серенький? Медведь политику понимает. Он их сейчас выгонять начнет, а про него потом скажут, что он с лягушками и жабами воюет. Не по чину ему таким заниматься.

– Ему не по чину, значит? – рыкнул Волк. – А мне в самый раз?!

– Ну, Волкушкаааа, – заныла Лиса, пятясь к кустам. – Ну ты уж придумай что-нибудь.

– Ладно! – рявкнул Волк, развернулся и побежал в сторону Большого Ручья.

– Они у старой рябины, – крикнула ему вслед Лиса. – А Колобок придет вечером. Тебе к пяти часам надо быть на Малой Поляне, Волчик!

Возле Ручья было шумно. Волк осторожно выглянул из кустов раakitника. Поляна кишела лягушками и ящерицами. Когда Серый Волк осмотрелся и привык к обилию земноводных, он разглядел некое подобие порядка в царившем вокруг хаосе.

Около воды шло строительство плота. В центре полянки стояло что-то закутанное в простыню, а рядом истоиво молились несколько особо крупных лягушек и ящериц. Во всяком случае Волк решил, что их истошные вопли, квакания и завывания – молитва. Возле кустов стоял белый бумажный ша-тер, затейливо украшенный завитушками. Волк решительно почесал за ухом, вздохнул, чувствуя, как отзывается болью спина, и вышел на поляну.

– А ну-ка тихо! – рявкнул он. – Что тут происходит? Кто разрешил? Где у вас главный?

На него почти никто не обратил внимания. Несколько самых мелких лягушат повернули головы и попытались что-то квакнуть, но их быстро одернули.

– Таааак, – зловеще сказал Волк и брезгливо поднял лапой за хвост ближайшую ящерицу, лягушек ему трогать не хотелось. – Отвечай, кто главный у вас?

Ящерица молча задергалась и шлепнулась на землю. В лапе у Волка остался только извивающийся хвост. Волк вздрогнул, отбросил хвост в гущу строителей и вытер лапу о край узорчатого шатра.

– О, незнакомец, квато ты? – раздался звучный голос. Волк резко развернулся и отпрыгнул назад, сбив шатер и вызвав негодующее кваканье тех, кто в нем находился.

Перед ним стояла гигантская жаба. Она была больше всех лягушек на поляне. На лбу у жабы был кокетливо прилеплен кусок белой бумаги, немного похожий на тиару.

– Ну нифига себе, – непочтительно высказался Волк. – Вот это жаба!

– Я не жаба, о незнакомец, – важно прогудела та. – Я жрица нашего покинутого и низвергнутого Бога! Внемли же моим словам, о ты, кто пришел к нам увещевать и требовать!

– Ну начинается, – пробормотал себе под нос Серый Волк, но сел и приготовился слушать.

– Я Зева, главная жрица Несмываемого Ктулху!

– Несмываемого кого? – Волк растерянно приоткрыл пасть.

– Несмываемого Ктулху! – раздраженно квакнула жаба и продолжила вещать. – До тебя, о незнакомец, должно быть уже дошли слухи о том, что Несмываемый Ктулху низвергнут и теперь его место занял Смываемый Ктулху!

– А это кто? – Волк почувствовал, что теперь у него болит не только спина, но и голова. – Нет, подожди, не говори! Я не хочу этого всего знать! Я хочу знать, что вы тут делаете?

– Мы, – жаба горделиво надулась. – Строим плот, чтобы проплыть на нем по ручью вместе со статуей нашего Божества. Мы хотим, чтобы все знали, что Ктулху – Не Смываем!

– И долго вы еще строить будете?

– Мы уже почти построили, – жаба раздулась еще сильнее. – Но перед тем как отплыть, мы расскажем всем в этом лесу о Несмываемом Ктулху!

Волк вздохнул, и, поняв, что Ктулху и его адепты сами собой не рассосутся и не смоются, решил пойти ва-банк.

– Послушайте, уважаемая Зева! – вкрадчиво начал он. – Вы мне невероятно нравитесь. Не думали ли вы о том, чтобы оставить свою паству и выйти замуж?

– Квак? – ошарашенно квакнула Главная Жрица.

– Да, да, – подтвердил Волк. – Жаба ваших статей и красоты наверняка не простых кровей. А среди моих друзей (прости, Ваня) есть самый настоящий Царевич, который уже давно ищет свою единственную и неповторимую, да только все

никак не найдет. Думаю, вы тоже Царевна и придворные волшебники в два счета расколдуют вас, если уж поцелуй Царевича не поможет.

Жаба открыла рот, попутно нервно проглотив пролетающую мимо муху, и растерянно закивала, но тут заметила, что к их разговору прислушиваются остальные сектанты.

– Да квак вы смейте! – заквакала она. – Я честная девица! Вся моя жизнь – служение Несмываемому Ктулху! Прочь! Вон!

– Ну погодите, я может еще про Ктулху хочу послушать, – попытался продолжить беседу Серый Волк, но Зева, раздувшись до синевы и невнятно квакая, понеслась на него. Волк отпрыгнул в сторону, в самую гущу строительства.

– Плот, плот, – заквакали строители. – Он сломал плот!

Волк посмотрел себе под ноги. Он стоял в куче палок и веток. Поднял глаза на Зеву, которая развернулась и снова неслась на него и, решив, что ему уже нечего терять, прыгнул к статуе Несмываемого Ктулху, схватил ее в зубы и понесся в сторону Большой Поляны.

Кваканье стало просто оглушительным. Лягушки и ящерицы неслись следом. Волк прибавил ходу, радуясь, что спина наконец-то прошла и перестало ломить лапы. Резко повернул в кусты орешника, прополз на пузе под ветками, пересек небольшую поляну, пробежал под липами, забился в густой ельник, осторожно прикопал там статую и вернулся обратно к поляне у старой рябины. Там почти никого не бы-

ло. Только сидел у кучи веток и палок, еще недавно бывших плотом, маленький лягушонок. Увидев Волка, он вытаращил глаза и попытался завопить. Волк прижал его лапой и сказал:

– А ну тихо, служитель Ктулху! Передашь Зеве, что ваш Несмыываемый у меня и я отдам ей его в шесть вечера. На Малой Поляне у Лысого Холма. Пусть приходит одна. – Развернулся и нырнул обратно в кусты раkitника. Ему не терпелось посмотреть, кому же так истово поклонялись земноводные.

Он вернулся в ельник и, помогая себе лапами и носом, развернул статую, завернутую в старые листья и обрывки бумаги. Несмыываемый Ктулху оказался обрубком коричневой картонной трубы, по которой шли наискосок тонкие линии.

– Ненавижу современное искусство, – пробормотал Волк себе под нос и чихнул. Еще раз посмотрел на трубу и, забросав ее иголками, выбрался из ельника и побежал дальше. До вечера еще нужно было многое успеть.

В полшестого тяжело дышащий Волк подбежал к Малой Поляне. Так называлась широкая и ровная площадка возле входа в пещеру у основания Лысого Холма. Площадка была давным-давно вытоптана и утрамбована сотнями ног. По периметру ее лежали бревна и стояли пеньки разного диаметра. Все обитатели Заповедника собирались здесь, чтобы обсудить важные вопросы или отпраздновать важные события.

Волк огляделся и снова полез в кусты. На этот раз боярышника. В боярышнике на широком и плоском камне

обычно сидели парочки, желающие помилиться без свидетелей. Был у камня еще один плюс. С него открывался отличный обзор на Поляну, а кусты надежно скрывали наблюдающих. В этот раз на камушке сидел мрачный Иван Царевич и отмахивался от комаров веткой.

– Ну чего звал, Серый? – Буркнул он.

– И тебе здоровья, Царевич, – Волк сел, тяжело дыша, вывалил язык из пасти.

– Хоть бы зубы почистил, окаянный, – Царевич явно был не в духе.

– Хоть бы женился, беспутный, – не остался в долгу Волк. – Образумился бы.

– Да ну тебя, – Иван махнул рукой. – Говори, зачем звал? Из-за тебя пришлось свидание отменить. С прекрасной барышней.

– У тебя каждый вечер барышня, – скривился Волк. – И каждый вечер разная. Подвинься, рядом сяду.

Серый взгромоздился на камушек и, вытянув шею, принялся высматривать на поляне Зеву. Наконец-то нашел и прошептал Царевичу:

– Жабу видишь?

– Ну, – мрачно сказал Царевич, глядя в другую сторону. – Вижу. Давай быстрее уже, говори, что тебе надо, я может еще успею. На свидание.

– Мне надо, чтобы ты ее очаровал, а может даже поцеловал! Но насчет поцеловал я пока не уверен.

– Чегоооо? – Иван привстал, нашел глазами Жабу, и ошарашенно плюхнулся обратно. – И вправду Жаба. Огромная какая! Слушай, а может мне сразу Медведя вашего поцеловать?

Раздался треск кустов, и к камушку выбрался Заяц с очередной пассией.

– Серый, вот ты где! – Обрадовался он. – А тебя уже заждались там. Я только что отпросился у медведя. Уступите нам местечко, а?

Волк сердито зыркнул на Зайца, но времени препираться не было, и он вытащил Царевича на край поляны, где уже было полно разного лесного народа. Царевич шел неохотно.

– Друг называется, – прошипел ему Волк. – Тебе что сложно ее поцеловать?

– Ты, Волчара, совсем обалдел, – шепотом возмутился Царевич. – Она ж натуральная жаба. Если я ее поцелую и она не станет прекрасной девушкой, позора не оберешься. Что это за царевич, если он готов лобзать любую жабу?

– Может она обернется царевной!

– Еще хуже! – остался непреклонным Царевич. – Что мне потом жениться на ней что ли? Я пока не собираюсь обзаводиться семьей. И в этом лесу куча нормальных девиц, зачем мне целовать еще и жаб?

– Ну запудри ей мозги разговором, это ты можешь сделать, – тихо прорычал Серый Волк.

Иван Царевич с сомнением покосился на Зеву, а потом на

Серого Волка.

– У меня есть стойкое ощущение, что ты прямо сейчас вытягиваешь меня в какую-то мутную историю, – проворчал он.

– Давай шагай, Казанова, – Волк толкнул друга в бок лапой.

– Молчи, а то шубой станешь, – огрызнулся Царевич, встал, поправил кафтан и стал пробираться к жабе.

Волк довольно ухмыльнулся и отправился к большому пню, где в окружении администрации Заповедника восседал Колобок. Председатель Медведь с тоской разглядывал в трехлитровой кружке остатки медовухи. Специалист по кадрам Лиса щебетала что-то льстиво-позитивное, обмахиваясь хвостом. Колобок хмуро глядел на нее, потягивая виски. Волк поздоровался и демонстративно осклабился:

– А почему все такие мрачные? У нас что-то случилось? А то я только из отпуска, еще дела не разбирал.

– Дошли тут до меня слухи, – Колобок раздул ноздри. – Что у вас в Заповеднике завелась секта. Непонятные последователи какого-то странного божества. Как его? Втулку?

– Что? – Волк сделал вид, что не понял. – Первый раз о таком слышу! Лиса, и ты молчала?

Лиса удивленно вытаращила глаза, Волк подмигнул ей.

– Ну раз вы из отпуска, вам может и простительно, Волк. Но! – тут Колобок резко поднял вверх пухлый палец. – Секта – это очень плохо, товарищи администрация Заповедника!

Это лишение статуса и отзыв всех субсидий. Чем вы вообще тут занимаетесь? Даже мне стало о ней известно, а вы, похоже, совершенно не в курсе, что творится у вас под носом!

Медведь нервно допил остатки медовухи и почесал затылок, изображая сокрушенную задумчивость.

– Возмутительно! – Колобок припечатал к пню стакан с виски, развернулся к Волку. – Я сейчас лично отправлюсь к Большому Ручью и всё проверю! Говорят за главную в этой секте – огромная Жаба. Вот и посмотрим, что за секта и что за Жаба!

– Жаба? Большой Ручей? – Волк почесал лапой лоб, изображая задумчивость. – Теперь я понял!

– Я весь внимание, – Колобок подпер румяную щеку кулаком.

– Произошла какая-то ошибка, господин ревизор! У нас в Заповеднике действительно появилась новая жительница. Только она не жаба, а Царевна Лягушка, и у нее не секта, а свита. А про Втулку я даже и не знаю. Да вон сами посмотрите, – И Волк махнул лапой в сторону Зевы с Иваном Царевичем. – Ее уже и Казанова наш местный обихаживает. Как услышал, сразу приехал. Поцелуя добиваться.

– Ого! Какая она огромная! – Колобок взгляделся в полумрак, опустившийся на поляну. – Там Иван Царевич с ней?

– Он самый. Как узнал, сразу примчался. Всё никак не может найти себе жену по душе, бедняга, – Серый Волк наклонился к ревизору и прошептал заговорщически. – Представ-

ляйте, какой наплыв Царевичей и простых смертных начнется, когда станет известно, что в нашем Заповеднике теперь живет настоящая Царевна Лягушка?

– Думаете, Царевна Лягушка увеличит количество посетителей? – Колобок промокнул вспотевшую лысину. Перспектива наконец-то сделать Заповедник прибыльным явно взволновала его. Волк знал больные мозоли ревизора и с удовольствием на них топтался.

– Ну, разумеется! Мы вообще-то сегодня планировали небольшой праздник в ее честь. Хотите принять участие? Заодно познакомитесь поближе.

– Конечно, хочу!

– Пойду тогда к ней, – Серый Волк подмигнул Колобку. – Она немного застенчива. Настоящие царевны, они такие, знаете ли. Заодно и Ивана Царевича отважу, а то еще очарует, поцелует и женится. И не будет у нас Царевны Лягушки.

Он выскользнул из-за стола, пересек поляну и уселся возле Зевы. Та немедленно раздулась от возмущения и сдавленно квакнула:

– Где Ктулху?!

– Ну я, пожалуй, пойду, – Иван Царевич воспользовался моментом, чтобы улизнуть, встал и церемонно поклонился жабе. – До скорой встречи, прекраснейшая Зева! Спасибо за приятную беседу.

Жаба чуть сдулась и тихо приквакнула, махнув Ивану лап-

кой на прощание.

– Уважаемая Зева, – вкрадчиво начал Волк, убедившись, что Царевич ушел и их никто не слышит. – Я решил помочь вам.

– Лучше отдайте наше Божество! Нашу прекрасную статую! – Зева возвысила голос.

– Послушайте же, Зева. Я кое-что придумал для вас и вашего Втулку, – Волк стал серьезен.

– Ктулху!

– Да, да, простите, Ктулху! Вы же верховная жрица! И что это за детский сад? Ящерицы, лягушки, шаткий плот! Всё это мелко и недостойно божества! Не находите? Ну поплывете вы вниз по течению с кваканьем. И что? Кто заметит вас? Такие же лягушки? Я предлагаю вам кое-что получше. Вы сможете доказать всем и каждому, что Ктулху, действительно – Не Смываем!

– Квак? – Зева приоткрыла рот.

– Факельное шествие! Вы и ваша свита, ой, то есть последователи, пройдете с факелами по главной лесной дороге до причала. Вас там будет ждать прекрасный плот, я уже обо всем договорился. И после этого... – Тут Волк наклонился к Зеве и прошептал. – Ваш Ктулху не поплывет. Он воспарит. Прямо в небеса! Вы зажжете его. Он будет плыть пылающий, на прекрасном плоту и воспарять в небеса пеплом!

– Квак? – Зева растерянно заморгала, проглотив пролетавшего мимо комара.

– Именно так, – Волк кивнул. – Он вернется на свой Олимп. И никаких смывов и речной воды. Ктулху должен занять достойное ему место в небесах. А вот вам придется расстаться с ним и остаться с нами. Ваше служение будет окончено.

– Окончено, – Зева неожиданно сморщилась и всхлипнула. – Но мне будет не хватать его! Хотя, конечно, да! Вы правы! Он должен воспарить. Он так велик.

– Не переживайте, дорогая моя, – нежно прошептал Волк и, чуть поколебавшись, обнял ее за зеленые плечи. – Вас еще ждут великие дела! Видите вон того круглого господина? Это ревизор нашего Заповедника. Он совершенно очарован вами и уверен, что вы Царевна Лягушка. Он подойдет к вам после шествия, не разочаруйте его.

– Но я же, – Зева утерла слезы. – Не Царевна.

– Теперь Царевна! И не слова больше. Считайте, что это последняя воля Ктулху!

Встреча на мосту

Я работаю на Карловом мосту. Играю на банджо и фотографирую. Мой спутник Пабло крутит ручку шарманки и вытаскивает бумажки с обещаниями счастья для всех желающих.

Нас любят. Коллеги, дети, прохожие и туристы. Просто быть любимым, когда ты пожилой невысокий толстячок, похожий на Санта Клауса, а твой спутник – маленькая обезьянка в зеленой жилетке и красной феске с кисточкой.

Я благодарен им всем за любовь, внимание и монеты разных стран, которые щедро сыплются в мою потертую шляпу.

– Пожалуйста, дамы и господа, всего лишь 100 крон, и вы получите обещание счастья и снимок с обезьянкой на память, а, если пожелаете, на месте обезьянки могу быть я. Почти все покупается и продается в нашем мире, увы! Но обещание счастья – это лучшее вложение, которое вы можете сделать. Крути барабан, Пабло!

Мой день наполнен встречами и это прекрасно. Они длятся чуть больше мгновения и это прекрасно вдвойне. Увы, некоторые из них даже за мгновение ранят меня в самое сердце. Но тут уж ничего не поделаешь.

Воскресное утро. Мы с Пабло встаем по-стариковски рано и позавтракав, отправляемся на мост. Этим утром желающих получить предсказание и фото мало, но зато погода

хороша. И обещание чуда разлито в воздухе.

Она возникла из утренней дымки, заставляя меня сощурить глаза. Прекрасная и очень грустная. Я втянул живот и забренчал на банджо самую радостную из своих мелодий, согласный быть шутом при такой королеве.

– О прекрасная леди, мы с Пабло просим немного. Всего лишь сто крон за обещание счастья и фото с обезьянкой.

Она улыбается мне виновато, глаза наполняются слезами. Ах, я старый дурак. Огорчил барышню.

– Простите меня, – начинаю шарить по карманам, конфет как назло нет. Пабло понимающе щебечет и начинает крутить барабан, суетится, достает свернутую в трубочку бумажку. Тянет к нашей прекрасной леди свою требовательную лапку. А я тем временем нахожу в сумке, то что искал. Вертушку. Ее неделю назад забыл кто-то из детей.

Она читает предсказание и наконец-то улыбается почти без слез. Я вручаю вертушку ей.

– Милая леди, вы так прекрасны, что сегодня для вас всё бесплатно.

Она вздыхает и молча кивает. Вот ее фото, я снял ее с детской вертушкой на фоне острова Кампа.

Я не знаю, куда отправить его, потому что фея не оставила мне адреса. Она вообще не сказала ни слова. И это прекрасно. Я все еще сентиментален и знаю, что феи не должны разговаривать.

Ммузыка

Дедушкина коллекция грампластинок – ящик Пандоры моего детства. Я не рассказывал вам раньше, нет? Так вот послушайте.

Они не любили меня. Они вообще никого не любили. Но приличия вынуждали их открывать нам двери. Нам – это мне и моим родителям. Мама – их дочь, обижалась и плакала, но изменить ничего не могла. Я был недостаточно воспитан и одарен, папа – недостойн мамы и все вместе мы вносили хаос в их стройную и упорядоченную жизнь.

Бабушка была историком искусств, а дедушка обожал музыку и преподавал в филармонии.

Однажды дедушка попытался занять меня, чтобы я не шатался неприкаянно вдоль книжных полок и не раздражал его своими вздохами. Он пригласил меня в свой кабинет, усадил на маленький диванчик, бережно поднял крышку проигрывателя и достал конверт с грампластинкой. Это была симфоническая сказка "Петя и Волк". Движения дедушки, и музыка, звучащая как будто с другой стороны бытия, заморозили меня. В тот день я провалился в щель между нашей реальностью и музыкальной и долго не мог выбраться обратно.

С тех пор я мечтал только о том, что мы снова поедem к бабушке с дедушкой и я смогу услышать звуки проигрывателя. Они не приглашали нас очень долго. Но в новогодние

праздники визита вежливости было не избежать и им пришлось пригласить нас, а нам принять приглашение. После того как все формальности были соблюдены, а праздничный ужин съеден, я принялся слоняться туда-сюда вдоль полок с книгами, краем глаза косясь на деда. Он как всегда не выдержал:

– Дмитрий, будь добр, присядь, пожалуйста.

Я послушно присел, чтобы через пять минут вскочить снова. Дед нахмурился, а я шепотом попросил:

– Дедушка, я еще раз хочу послушать "Петю и Волка".

Дед нахмурился еще сильнее, мысль о том, что придется оставить ребенка наедине с драгоценным проигрывателем и пластинками была для него мучительна. Неожиданно вмешалась бабушка:

– Пусть он послушает музыку, Виктор. Детям ни к чему взрослые разговоры.

Так я снова оказался в кабинете, где стоял узкий диванчик, книжные полки, письменный стол деда и высокая тумбочка с заветным проигрывателем. Пластинки стояли в конвертах на самой верхней полке. Дед открыл проигрыватель, нежно достал пластинку, поставил ее и аккуратно опустил иглу:

– Ничего не трогай, – он включил проигрыватель и вышел.

Я замер, полуприкрыв глаза, звуки музыки захватили меня так же как и в первый ра-.

Пластинка почти кончилась, когда я заметил его. Он си-

дел на дедушкином стуле, развалившись, закинув ногу на ногу и поводя руками в воздухе. Он был... странным, но, заво-роженный музыкой, я не думал об этом тогда, а просто смотрел во все глаза.

Его длинные серые пальцы, в два раза длиннее чем у обычных людей, заканчивались длинными заостренными ногтями. И пальцы эти двигались в воздухе, взлетали и опускались в такт музыке, оставляя за собой полупризрачный след, который таял, чтобы возникнуть вновь, когда музыкальный пассаж повторялся.

Сам он тоже был серым и длинным, очень худым. Острые колени подергивались вслед за мелодией, жидкие длинные волосы на голове руках и ногах подрагивали в такт музыке. Он танцевал, точнее нет, парил и растворялся в звуках, в воздухе.

Лицо у него было смазанным, полузавешенным бесцветными волосами. Глазки маленькими и невыразительными, рот и нос выглядели небрежными запятыми на вытянутом лице.

Не переставая пританцовывать и дирижировать в такт, существо повернуло ко мне голову и расплылось в улыбке.

– Кто же это? – растерянно подумал я, не решаясь нарушить странный танец и прервать волшебство.

– Здравствуй, мальчик, – пропело существо. – Я грааампл.

Грампл взмахнул руками в такт завершающим аккордам грампластинки и рассыпался в воздухе серой пылью и зво-

ном колокольчиков, которые вплелись в музыку и отозвались у меня в сердце.

Через секунду он возник рядом с книжным шкафом, около полки с пластинками, пропел:

– Ммммммузыка, – и опять исчез, чтобы снова возникнуть на стуле. Теперь на длинном пальце грампла, поднятом вверх, покачивалась круглая черная пластинка, а палец гнулся как гуттаперчевый, вперед-назад. Грампл некоторое время смотрел на нее, а я вспомнил, что дедушка не велел мне трогать пластинки и испугался.

Грампл усмехнулся, заглянул мне в глаза и я увидел, как его маленькие глазки расширились, стали большими, круглыми и манящими, черными, как тело грампластинки.

– Обожаю, – пропел он, открыл рот, закинул туда грампластинку, и опять исчез со звоном колокольчиков и звуком лопнувшей струны.

До этого момента я сидел как замороженный, но теперь мне стало страшно. Я вскочил и грампл снова появился передо мной. Теперь он парил в воздухе, глядя на меня сверху вниз.

– Не обижу, – прозвенел он. – Любишь ммузыку?

Я молча кивнул. Тогда грампл сорвался с места и влетел в меня. И я ослеп от звуков. Ликующая ярость оркестра, флейта, арфа, барабаны и валторны, пение соловья и шелест волн, смех ребенка и рычание мотора, тишина раннего утра и грохот лавины. Океан звуков плескался внутри меня и я был

мир. А потом всё кончилось. Грампл парил передо мной и глаза его опять были большими, черными и манящими.

Но теперь я уже знал всё. Грампл появился сюда, призванный звуками грампластинки. Черные диски обладали над грамплами странной властью. Звуки музыки, тишина и упоенный музыкой слушатель, призывали грамплов и они ничего не могли противопоставить этому зову. Они приходили, послушные ему и потихоньку истончались в нашем мире, полном странных звуков.

Этот грампл очень хотел жить и мы договорились. Я дал ему пристанище, а он мне свою музыку. Это было непросто. Иногда я целыми днями не видел лиц и предметов, только слышал звуки. Но я привык. И грампл внутри меня тоже привык.

Ммммузыка.

Музыкальная школа, музыкальное училище, консерватория.

У меня была и своя жизнь, конечно. Я даже женился на замечательной женщине. Правда, к тому времени я не видел лиц, но в ее движениях была удивительная музыка и гармония. С дедушкой мы подружились, он учил меня и передал мне свою коллекцию пластинок. Иногда мы с грамплом слушаем их.

Учитель испанского

Собственное тяжелое дыхание двойным эхом отдавалось в ушах, в боку колело, глаза заливал пот и вытереть его не было никакой возможности из-за проклятой маски. Человек, бежавший впереди, с ужасом оглянулся.

– Я не делал этого, – завопил он, прыгая с одной крыши на другую. Черепица при этом загрохотала почти угрожающе.

– Ох, не навернуться бы, – мелькнула мысль. Зорро прыгнул следом. Кое-как удержался на ногах, бросился дальше, но узкий конек крыши вынудил его чуть сбросить скорость. Он ухватился за печную трубу, обогнул ее и увидел, что беглец уже съезжает с крыши вниз.

– Стой! – хрипло крикнул Зорро. – Я хочу просто поговорить! Ты же разобьешься! Жизнь дороже драгоценностей!

Но тот лишь сильнее оттолкнулся руками и полетел с края крыши.

Зорро показалось, что он сам падает и разбивается.

– Мне не стоило это всё начинать, – прошептал он и наконец-то вытер холодный пот со лба.

Наутро их Величество Арчибальдиус Зонтаклюс Пятнадцатый, скорбно поджав губы, разглядывали гигантскую копну сена, кем-то разворошенную и разбросанную по двору.

– Безобразие, – наконец изволили высказаться их Величе-

ство. – Мало того что из нашей Королевской Сокровищницы пропала шкатулка с фамильными драгоценностями, так теперь еще и этот возмутительный бардак! Бардак везде и всюду!

Королевская трость звонко ударила по брусчатке двора.

– По замку в ночи с воплями носятся старший конюх и непонятная личность в маске, потом конюх исчезает и по Королевству ходят сплетни, что это он сбежал с нашими драгоценностями. И что теперь скажут соседи? – Арчибальдиус сдвинул корону на макушку, поскреб намечающуюся лысину, перевел взгляд на придворных и вздохнул.

– Приберите тут всё, – и тростью указал на сено. – Сгребите обратно в кучу к стене. Могли бы и сами догадаться, а не ждать меня.

Арчибальдиус снова вздохнул и прошел в Королевский Сад.

– Как ты, доченька? – ласково обратился он к принцессе Элис, которая сидела на скамейке возле старого пруда и задумчиво разглядывала зеленую воду.

– Ах, батюшка, – принцесса порывисто обернулась. – Я всё думаю, неужели это начало конца нашего Королевства? Мое приданое пропало. Замок ветшает. Казна пуста. Старший конюх исчез и говорят, что это он сбежал с драгоценностями. Но ведь здесь остались его жена, Добрая Анна, и двое их дочерей! Он бы не бросил их, я знаю!

– Не переживай, доченька! – Арчибальдиус сел рядом и

приобнял Элис за плечи, с неудовольствием покосившись на облупленную спинку скамейки. – Мы обязательно что-нибудь придумаем! Найдем и вора и твое приданое!

Но Элис уже не слушала его.

– Ой, папочка, мне надо идти! Я совсем забыла про урок испанского. Диего ждет меня.

Король проводил ее взглядом. В начале мощенной серым кирпичом дорожки уже стоял высокий, чуть сутулый, молодой человек, который поклонился и ему и принцессе Элис. Принцессе досталась еще и сдержанная улыбка, которая, впрочем, очень шла юноше.

– Иди, иди, – проворчал Арчибальдиус ей вслед, но тоже улыбнулся.

Следующие ночи было тихо, никто не носился по крышам старого замка и не разбрасывал сено по двору. Король целыми днями сидел в тронной зале. Размышлял. Изредка он выходил пройтись, наведывался на конюшню, вздыхал. Зашел к Доброй Анне, конюховой жене, спросил:

– Да что же это, Анна?

Анна лишь вздохнула, да принялась вытирать глаза уголком фартука.

– Ну, ну, не переживай, – погладил ее по голове Арчибальдиус и поспешил уйти. Женских слез он не любил

Забрел их Величество и в сад. Там в беседке Элис и учитель испанского с утра до ночи учили спряжения сложных глаголов, словообразование и нюансы произношения. Ко-

роль не стал их беспокоить, лишь вытянул шею, глядя через разросшиеся кусты, как склонились друг к другу две головы: светлая, принцессина, и темная, учителя.

Опять вздохнул и спросил крутившуюся рядом младшую конюхову дочку:

– Всё учат?

– Учат, Ваш Личество, – пискнула она. – И я тоже.

– Ну, ну, молодец – рассеянно повторил король и попытался погладить девчушку по голове.

Та вывернулась и пискнула:

– Ваш Личество, папка просил узнать, сколь ему еще прятаться в старой избушке?

Король вздрогнул.

– А ты откуда знаешь?

– Так папка мне всё говорит, знает, что мамке не скажу и никому, – девочка выпрямилась и потянула себя за растрепанную косицу. – Я ж дочь его любимая.

– Звать-то как тебя, дочь любимая? – серьезно спросил Арчибальдиус.

– Аленой.

– Ну, Алена, – король поскреб лысину, кашлянул неуверенно. – Передай ему, сегодня ночью. Пора уж, луна полная. Может и хватит тянуть. Да пусть поосторожней будет. Не в его годы по крышам шастать и с них в сено сигать.

Девочка кивнула, шмыгнула, лихо утерла нос рукавом и ускакала.

Король посмотрел ей вслед.

– Одни девчонки! Это никуда не годится, – пробормотал он. Снова вытянул шею и посмотрел через кусты на принцессу и учителя. Вздохнул и побрел обратно в тронную залу.

Ночь уже вступила в свои права. Ветер гонял по небу обрывки туч, то пряча, то открывая огромную желтую луну. Было тихо и сонно. Но вот где-то скрипнула половица, кто-то кашлянул, хлопнул ставень. Зорро напряг слух и весь подобрался. Дождался-таки. Он замер в тени гобелена и уставился на вход в коридор. Спать хотелось невероятно. Он уже которую ночь караулил дверь в библиотеку. Раздались тихие шаги, мелькнула чья-то тень, дверь открылась и скрипнула, тень замерла. В библиотеке было темно. Поколебавшись немного, незнакомец скользнул внутрь, споткнулся о что-то, выругался, отдернул тяжелую штору. Стало немного светлее.

Зорро стиснул кулаки, вытер потные ладони о черный жилет, подошел к раскрытой двери, привалился к косяку и кашлянул. Конюх вздрогнул и повернулся. В руках он держал закрытый ларец с украшениями.

– Зачем вам это? – с укором спросил Зорро. – У вас ведь семья. Дочери маленькие.

– Ты не поймешь, – прошептал конюх. – Это нужно сделать.

– А вы попробуйте объяснить, – улыбнулся Зорро. – Может я смогу помочь вам.

– Если бы я мог, – с горечью сказал конюх. Он наклонил

голову и будто бы к чему-то прислушался. – Хотя ладно. Слушай, может поделим содержимое ларца пополам?

– Нет, – Зорро покачал головой. – Это ларец важен для принцессы, и я понимаю, почему она...

Договорить ему не удалось, конюх посмотрел куда-то через его плечо и закричал:

– Да забери ты его уже! – подскочил к Зорро и принялся толкать ларец ему в руки. Зорро от неожиданности попятился в коридор и наткнулся спиной на что-то мягкое. Мягкое вцепилось ему в плечи и завизжало. Зорро попытался обернуться, но конюх, видимо совсем ошалевший, пихал его ларцом и шептал: «Возьми, возьми!» В коридоре зажегся свет, раздался свист и топот. Зорро зажмурился и таки сумел развернуться, а точнее развернуть конюха и ларец, при этом сбросив со спины чьи-то руки.

Когда он открыл глаза, то увидел принцессу Элис. Она была в ночнушке и больше не кричала, а просто прижимала ладони к щекам. За ней стояли его королевское Величество Арчибальдиус Зонтаклиус Пятнадцатый и королевские стражники.

– А вот и воры, – сказал Арчибальдиус и почему-то виновато вздохнул. – Взять их. Запереть по разным камерам. И маску снимите вот с этого. Я хочу знать кто он.

– Подождите, я сам, – сказал Зорро и медленно стянул маску.

Элис ахнула и прошептала:

– Диего, как ты мог!

Через два дня состоялся честный и справедливый Королевский Суд. Судьей был сам Арчибальдиус Зонтаклюс Пятнадцатый. Он покашливал и без конца чесал голову под париком. В зале суда собрались все придворные, пришла и принцесса Элис. Лицо ее было покрыто темной вуалью, она периодически всхлипывала и села рядом с Доброй Анной и ее дочерьми. Та сжала ее руку и прошептала:

– Держитесь, Ваше Высочество!

Сунулась к принцессе и Аленка, но ее тут же одернула старшая сестра.

– Сиди, егоза!

Король грозно оглядел зал и постучал молотком.

– Тишина! Стража, ввести обвиняемых!

Первым ввели старшего конюха. Он был взъерошен даже больше обычного и отказался отвечать на вопросы короля. Король загадочно хмыкнул и попросил привести второго обвиняемого.

В зал ввели Диего. Он был мрачен.

– Итак, обвиняемый... – начал опрос Арчибальдиус.

Но учитель испанского перебил его.

– Ваше Величество, я не виновен. Всё это цепь странных совпадений! Я отказываюсь давать показания, пока не переговорю с их Высочеством принцессой Элис.

Арчибальдиус задумчиво почесал лоб под париком.

– Ну что ж... Если принцесса не против. Но я должен присутствовать.

Диего мрачно кивнул, а принцесса Элис откинула вуаль, открыв заплаканное лицо, подобрала юбки и начала пробираться к Диего и королю.

– Я хотел бы пригласить и старшего конюха, – твердо сказал Диего, оказавшись в маленькой комнате за залом суда.

Король поерзал на жесткой лавочке, вздохнул и крикнул:

– Стража, привезти конюха.

– Позвольте мне начать, Ваше Высочество, – поклонился Диего Элис.

Принцесса кивнула.

– В ту ночь, когда пропал ваш ларец, мне не спалось. Я гулял и думал о вас. – Тут учитель испанского покраснел. – И тогда я решил пойти в библиотеку. Книги отвлекают от мыслей. И в коридоре возле библиотеки я увидел вас.

– Меня? – удивилась принцесса.

– Да, вас, – кивнул Диего. – Вы были в ночной рубашке, а в руках несли ларец с украшениями.

– Я? – Элис с недоверием посмотрела на учителя испанского. Диего по-своему истолковал ее взгляд, он прижал руки к груди и воскликнул:

– Пожалуйста, Элис, расскажите мне всё! Вы можете мне открыться, вы же сами спрятали ларец!

Король потупился и вздохнул. Дверь открылась и стражники ввели Старшего Конюха. Арчибальдиус сделал ручкой,

отпуская их, и увидев, как недоверчиво смотрят друг на друга Элис и Диего, прокашлялся и сказал:

– А вот и конюх.

Диего повернулся к нему.

– Объясните мне, зачем вам понадобилось скрываться и убежать от меня?

– Дык это, – буркнул конюх. – Я тоже в библиотеку ходил в ту ночь, и видел, как принцесса ларец прятала. А как узнал, что пропал он, решил сходить, проверить, тот или не тот. Кто ж знал, что вы там возле двери в масочке будете сидеть и догонять меня начнете? Я думал вы того, грабитель. А там уж и слухи поползли. Вот я и выжидал развития событий. Да только сколько ж прятаться, то можно, у меня ж жена, дочери скучают. Решил вот еще раз проверить. А там опять вы.

Элис медленно перевела взгляд с конюха на Диего и покраснела.

– Прости меня, – прошептала она и снова залилась слезами.

Король закашлялся и неискренним голосом спросил:

– Элис, ты что опять начала ходить во сне?

Потом встал, потянул за рукав Старшего Конюха и вышел вместе с ним в зал суда. Поднялся на трибуну, постучал молотком и объявил:

– Дело закрыто в связи с новыми обстоятельствами и отсутствием состава преступления!

...— Ну а что мне оставалось делать, — уже поздней ночью рассуждал Арчибальдиус, выпивая вместе с конюхом в теплой конюшне. — Королевство у нас небольшое и небогатое, а дочь моя, хоть и пригожая, да разумная девица, но застенчива до крайности. Она даже ни разу к сватам не вышла, а при разговорах о браке и отъезде к мужу в другое королевство сразу слезы лила. А я матери-королеве обещал, что выдам Элис замуж только по любви. У нас тут даже влюбиться не в кого. Ладно хоть этот учитель испанского подвернулся, хоть и тощенький парнишка и зануден немного, но в целом не плохой, опять же понятие о чести имеет. Костюм у него наследный. Зорро какой-то. Ишь, как вступился за мою дочь! Ты уж прости меня, Алексиус, что побегать тебе от него пришлось. Но сами они до старости бы друг на друга глядели, да так бы и осталась Элис в девках.

— Да, я ж понимаю, Вашличество, у самого дочери растут, — поддакивал конюх и разливал по бокалам кисловатый яблочный сидр.

Веселый Чихундрий

Я знал, что боги давно покинули нашу Землю. Остались лишь их подмастерья, доверенные лица. Те, кто действительно творить чудеса. Я побывал везде. Монастыри Тибета, разрушенные города майя и инков, африканские племена. И везде были одни лишь шарлатаны.

Но я не сдавался и вот однажды нашел его.

Старый замызганный дед сидел в халупе из коробок и полиэтилена на главной городской свалке.

Я действовал так, как меня научили. Подмигнул деду, достал пакета припасы – бутылку водки, сок "Красавчик", маринованные огурцы, докторскую колбасу.

Разлили в пластиковые стаканы, молча выпили по одной, потом еще.

Дед приосанился и крякнул:

– Ну чего пришел?

Боясь спугнуть его, я осторожно спросил:

– Дедушка, а ты в чудеса веришь? В Бога там?

– Э, ты, я тебе не дедушка! – обиделся он. – Меня Михалыч зовут и я еще ого-го.

– Прости, Михалыч, бес попутал! Давай еще по одной, а?

Разлили, выпили.

– Ну так про чудеса? – робко спросил я, уже ни на что не надеясь.

Михалыч похрустел огурцом, покосился на меня.

– Давай еще выпьем, а?

Разлили, выпили.

– Ты, это, малой, только не смейся. Но есть у меня одна способность. Хоть вроде и фигня, но иногда ой как полезна бывает. Я ей не часто пользуюсь, боюсь прогневить высшие силы. Знаю, что им не нравятся, когда часто беспокоят. Но когда действительно нужна... Смеяться не будешь?

– Ну что ты, что ты, Михалыч, да я не в жисть, – принесенная водка подействовала и на меня. – Расскажи мне, что ты умеешь.

Снова разлили и выпили.

Михалыч полез за пазуху и достал нечто, завернутое в полиэтиленовый мешочек, обрывок газеты и почти чистую тряпочку. Он бережно освободил нечто от упаковок и поставил передо мной.

– Вот!

– Что это?

Больше всего это походило на грязноватый камень с зеленым оттенком. Присмотревшись я увидел, что это маленькая статуэтка, типа нэцке.

– Михалыч, это что? – снова глупо повторил я, не в силах понять.

– Это, пацанчик, я сам вырезал. Из куска мыла "Зеленая яблонька". Он мне во сне явился и сказал: "Поклонись мне, Михалыч, воплоти меня и буду я всегда с тобой и поддержку

во всем. Силы мои пока не велики, но мы с тобой сможем многое!"

Не в силах сдержать себя, я протянул руку к статуэтке, за что тут же получил болезненный тычок в плечо от Михалыча.

– Эй, повежливей будь! – он вытащил из другого кармана маленькую стеклянную рюмку, налил в нее водки, положил рядом ломтик огурца и кусочек колбасы, закатил глаза и запел:

Уммма, умммма, умммма-ма-ма

Забери меня чума,

Это всё тебе, Чихундрий

Уммма, умммма, умммма-ма-ма!

– Кто? – переспросил я, боясь, что ослышался.

Михалыч сердито зыркнул на меня:

– Говорил же, смеяться будешь. Это – Веселый Чихундрий. Он насылает насморк и чихание. И я теперь тоже могу с его помощью. Он ткнул в меня грязным пальцем и запел:

Уммма-умммма-умммма-ма-ма

Чих сведет тебя с ума.

Я почувствовал, что заболеваю и немедленно чихнул. Все остальное было как в тумане.

Это последний отчет, когда я допишу эти строки, пойду искать Михалыча. Он и Веселый Чихундрий ждут меня.

Подпись: младший сотрудник кафедры теологии

И.В.Кашляев.

Они отплывали почти в полночь

Они отплывали почти в полночь. Двое высоких в длинных плащах с капюшонами и один маленький в черном растянутом свитере на три размера больше и сером берете, сдвинутом на ухо.

– Ну пора, – сказал один из высоких и встал на носу лодки, поправив капюшон.

– Пора, – согласился со вздохом второй и сел на весла. Маленький же уселся на корме и спрятал руки в рукава.

Лодка отплыла, свидетелей и провожающих не было. Трое переглянулись. Тот, что стоял на носу, стянул капюшон со светлой кудрявой головы и пропел тяжелым низким басом:

– Шаланды полные кефалииии.

– Тебе бы всё дурачиться, – тот, что сидел на веслах, тоже снял капюшон и подставил усталое лицо морскому ветру. Ветер тут же принялся ерошить остатки волос на его лысине. Маленький стянул с черных волос берет и опустил руку в воду.

Блондин спрыгнул с носа, сел. Лодка опасно закачалась.

– Почему бы не подурачиться? – широко улыбнулся он. – Моя работа окончена. Ваша тоже. Могу сесть на весла, если ты сильно устал.

Лысеющий кивнул. Они поменялись местами. Брюнет украдкой оглянулся назад и вздохнул. Лысеющий потер ще-

ку, тоже вздохнул.

– Иди-ка сюда, на нос, – позвал он и похлопал ладонью рядом с собой, по старому темному дереву судна. Маленький опустил глаза и помотал головой, комкая в руке снятый берет.

– Сел бы ты к нему что ли? – полушутя-полусерьезно предложил блондин на веслах. – А то сбежит.

– Не сбежит, – вздохнул с носа лысеющий. – Нет у него сил. Если бы были, мы бы тут не сидели.

С покинутого берега раздался далекий собачий лай. Брюнет вздрогнул и оглянулся.

– Держи его, – скомандовал блондин. – Он ведь сейчас прыгнет.

Но лысеющий не слышал его, он впился глазами в берег, утирая пот со лба.

– Эдик, Эдик! – к лаю добавился далекий женский голос. Брюнет бросил берет и плюхнулся в воду. Лысеющий кинулся за ним.

– Придурки, – проворчал блондин, разворачивая лодку. – Эх, чуть-чуть я не успел. Жизнь, Любовь! Залезайте обратно. Я вас доведу до берега.

Трое высоких стояли на темном берегу. Прощание было коротким.

– Прости нас, Смерть, – сказал лысеющий, потерявший свой плащ. – Ты пришел рано. Нам не пора еще.

Брюнет, свитер которому был уже впору, улыбнулся блон-

дину в лицо.

– Увидимся, Смерть!

– До встречи, Любовь! – И Смерть натянул капюшон.

Девочка и попугай

Иринка опустила ресницы, вслушиваясь в перестук колес. Солнце почти коснулось горизонта, посылая в пыльное окно поезда последние горячие лучи. Она представила себя принцессой в высокой башне, под стенами которой грохочет шум битвы. Или лучше не так – пусть это рокочут барабаны горных гоблинов. Интересно, как там мама? Она осталась совсем одна в больнице. Нет, не надо думать про это. Девочка открыла глаза, скосила их на кончик носа, полюбовалась узором на подстаканнике. Потрогала пальцем горячий металл. Скоро он остынет и можно будет пить чай. Дверь купе открылась и вошла тетя Света, мамина старшая сестра.

– Скучаешь, Ириночка?

Девочка покачала головой, снова прикрыла глаза. Волшебство не исчезло, как это обычно бывало, затаилось в перестуке колес, в быстром мелькании тени и света на сомкнутых веках, горячем металле подстаканника. Ей почудился чей-то крик, потом щебет.

– По утрам к замку принцессы прилетали птицы, чтобы спеть ей самые прекрасные свои песни, – продолжила мечтать она. – Ее мама-королева была здорова и приходила разбудить ее на рассвете...

– Ириночка, – попутчица осторожно тронула ее за плечо. – Ты спишь?

– Нет, – девочка открыла глаза, надула губы. – Я думаю. Зовите меня, пожалуйста, Ирина.

– Хорошо, Ирина, – тетя Света улыбнулась робко. – Ты слышишь этот щебет? Я сейчас говорила с проводницей. Оказывается, в купе рядом с нами едет артист. То ли фокусник, то ли дрессировщик и с ним самый настоящий попугай. Это он щебечет.

– Попугай? – Иринка недовольно засопела. – Они же каркают как вороны. И кричат. Я думала это птицы за окном.

– Мы ведь в поезде, – засмеялась тетя Света. – Тут птиц не слышно. А этот попугай даже говорит. Может, сходим посмотрим?

– Не хочу, – буркнула девочка, отворачиваясь к окну. Солнце уже перестало мелькать алым и золотым и просто бледно светило из-за деревьев. Поезд въехал в лес и в купе сразу стало темно.

– Ну как хочешь, – тетя Света постояла немного в нерешительности. – Я постельное белье принесла. Посплю немного. Ты будешь?

– Нет, хочу в окно смотреть.

– Хорошо, деточка, я тоже любила смотреть в окно в твоём возрасте.

Иринка передернула плечами и отвернулась к почти уже ушедшему за горизонт солнцу и темному лесу. Попыталась представить, как мелькает за деревьями огонек. Это горит маленький костер, который развела мама, чтобы она нашла

ее в темном лесу и вывела из чащи. Но вдохновение пропало. Девочка вздохнула. Посмотрела на попутчицу. Та уже легла, достала из сумки планшет.

– Я в туалет, – сказала Иринка и выскользнула из купе, тихо закрыв за собой дверь. Развернулась к окну и замерла. Здесь, с другой стороны поезда, небо по-прежнему пылало алым, розовым и лиловым. Облака тянулись по нему, словно далекие острова, увенчанные волшебными замками. Из приоткрытого окна пахло железной дорогой и вечерней прохладой. Девочка взялась ладонями за край оконной рамы, встала на цыпочки, вдыхая воздух. Ей хотелось улететь на облачные острова, раствориться в запахах леса. Раздался щебет, затем резкий крик. Кто-то произнес, странно выговаривая слова:

– Куда ты пошел?

Рядом кашлянули. Ирина открыла глаза, быстро вытерла слезы. На нее внимательно и недовольно смотрел высокий худощавый мужчина с тонкими усиками и давно не стриженными светлыми чуть вьющимися волосами, спадающими на скуластое лицо.

– Что ты здесь делаешь? – Хриплым голосом резко спросил он, прокашлялся и тут же поправился. – Извините, я, кажется, ошибся. Перепутал вас с одной знакомой.

Из соседнего купе донесся раскатистый хохот и выкрик:

– Невинное дитя! Чистая душа! Хватай её, хватай!

Иринка вздрогнула, обернулась, попыталась увидеть то-

го, кто кричал, но дверь была плотно закрыта. Она заколебалась, но любопытство пересилило.

– У вас там попугай? – Спросила девочка. – Вы фокусник, да?

– Да, – мужчина слабо улыбнулся. – Что-то вроде. Можете посмотреть.

Он приоткрыл дверь. По столу в купе важно расхаживал большой серый попугай. Иринка заметила, что на ноге у него было кожаное колечко, от которого тянулась куда-то под стол тонкая блестящая цепочка. Птица покосилась на нее ярко-желтым глазом, чирикнула и резко замахав крыльями, закричала петухом так, что у нее зазвенело в ушах.

Мужчина подскочил к двери, закрыл ее, прижался к ней спиной, нервно улыбнулся Ирине:

– Извините, он перевозбужден, слишком долго мы путешествуем.

– Вы отстали от цирка? – спросила девочка.

– От цирка? – переспросил мужчина и облизнул губы. Попугай за дверью захохотал бешено, что-то упало и разбилось. – Да, отстал. Я болел. Теперь вот догоняю. Извините, мне пора.

Он приоткрыл дверь и юркнул в узкую щель. Ирина покачала головой. Развернулась к закату. Облачные острова всё еще плыли по алому морю. Она пошла по коридору вдоль окна, представляя, что шагает по узкому мосту над горной рекой. Больше всего ей хотелось, чтобы этот мост не кончал-

ся.

Она дошла до туалета, подергала ручку. Заперто. Нахмурилась с досадой. Увидела надпись «От себя», налегла на дверь всем телом и ввалилась в туалет. За окном проплывала черная осенняя ночь. Ирина замерла. Посмотрела в коридор. За окнами по-прежнему пылал закат. Посмотрела в окно туалета. Там была ночь.

Она развернулась и побежала обратно. Зачем-то остановилась возле купе фокусника, прислушиваясь. Колеса теперь звучали как-то иначе, приглушенно, словно во сне. Поезд дернулся и дверь приоткрылась.

– Ты ведь всё это нарочно подстроил, признайся? – Зло выговаривал кому-то фокусник. – Девчонка здесь. Такое не может быть совпадением!

– Ты мне льстишь, – отвечающий хохотнул насмешливо. – Я в этом облике мало что могу.

– Я знаю, как ты можешь лгать, нечистый! – взвизгнул артист. – Не обманывай меня! Мы вчера были в больнице и видели ее там у кровати матери. А теперь она едет с нами. Дитя может почувствовать, что мы везем. Может помешать нам.

– А может и помочь! Дети и юные девушки – всегда были отличными ключами. Если ты, конечно, захочешь ей воспользоваться.

– У меня уже есть один ключ! Я не хочу тащить еще и ее за собой! Она же может всё испортить!

– Ну что ты за паникер! – Собеседник фокусника изум-

ленно присвистнул. – Угроздило же связаться. В любом случае, она не сможет помешать, мы уже скоро приедем. Скорее всего она спит в своем купе, как и все остальные.

Иринка не выдержала, заглянула в щель. Фокусник стоял к ней спиной, оперевшись тонкими пальцами рук на стол и опустив голову вниз. Больше в купе никого не было.

– Он, наверное, с попугаем разговаривает, – догадалась девочка и тут поезд дернулся еще раз, так сильно, что она не удержалась и упала на четвереньки. Дверь в купе распахнулась, фокусник резко обернулся и увидел ее.

– Ой, – шепотом сказала Иринка. – Я запнулась и упала. А вы в больнице у мамы были, да? Вы ее знаете?

Фокусник застонал и сел, закрыв лицо руками. Попугай расхохотался. Иринка заметила, что один глаз у него стал черным, а второй – алым, как закат за окнами.

– Ты же сказал, что все уснули! – прошептал фокусник сквозь сомкнутые ладони.

– В купе – да, – чирикнул невозмутимо попугай и уткнулся клювом в крыло. – А она была в коридоре. Придется взять ее с собой.

– Ты прав, – фокусник выпрямился, подошел к Иринке, рывком вздернул на ноги, взял жесткими пальцами за подбородок, заставляя поднять лицо. – Девочка, хочешь помочь маме?

Глаза у него оказались блекло-голубые, взгляд пристальный. Ирина заметила, как он поджал губы, разглядывая ее,

сглотнула и прошептала:

– Да, хочу. Скажите мне, что с ней? Она поправится? Я смогу найти в волшебной стране лекарство, чтобы вылечить ее?

– В волшебной стране?

– Да! Вы ведь волшебник?

Фокусник отпустил ее, отвернулся.

– Ты всё узнаешь. Пока я не могу тебе сказать. Пойдешь с нами.

Иринка посмотрела на попугая. Тот подмигнул ей жутким черным глазом из под крыла и притворился спящим. Фокусник не заметил этого. Он мрачно смотрел в угол купе.

– А что с тетей Светой и проводницей?

– Не волнуйся за них, они спят, – рассеянно ответил ей мужчина. – А мы скоро выйдем. Ты можешь сесть пока.

Девочка села. За окном по-прежнему было темно. Фокусник нервно постукивал пальцами по столу, потом стал обкусывать ногти, но увидел ее взгляд, спохватился, кашлянул, убрал руку.

– Прости, я очень взволнован.

– Почему?

– Твое присутствие – большой риск для меня. Для всех нас. Там, куда мы едем, людей не жалуют.

– Но вы же человек?

– Не совсем. Обычно я выгляжу иначе, – Фокусник щелкнул пальцами. – Понял! Нужно превратить тебя, скажем, в

кролика или белую мышь!

Попугай вытащил голову из под крыла и с интересом уставился на фокусника. Тот сделал вид, что не заметил этого.

– Но я не хочу быть кроликом или мышкой! – Иринка сжала губы, чувствуя, как слезы подступают к глазам. – Я хочу быть собой!

– А маме ты помочь хочешь? – Фокусник зло уставился на нее.

– Хочу! – Ирина отвернулась к окну, пытаясь справиться со слезами. – Я всё сделаю. Но можно мне тогда стать лисичкой? Кофейной. Пожалуйста.

– Какой еще кофейной лисичкой!?

– Меня мама так называла, – девочка подняла вверх глаза, шмыгнула носом. – Лисичкой. Она кофе любит, а ей нельзя его. И я всё равно покупала в автомате на первом этаже в больнице и носила. На пятый этаж. По лестнице. Чтобы хоть запах был. А сейчас она там одна. И без кофе.

– Ладно, – фокусник ссутулился, мрачно махнул рукой. – Пусть будет кофейная лисичка. Ну, Жако, давай.

– Давааай? – вопросительно протянул попугай, наклонил голову на бок. Фокусник резко дернул за цепочку, которая была привязана к ноге птицы, вынуждая Жако захлопать крыльями, чтобы сохранить равновесие.

– Не притворяйся безмозглым! Делай, что тебе говорят! – Он схватил попугая руками за крылья, приподнял.

– Прекратите! Ему же больно! – Иринка подскочила к Фо-

куснику, дернула его за рукав. Артист выпустил птицу, угрюмо посмотрел на нее.

– Ты не знаешь, кого ты защищаешь. Он-то точно не вступится за тебя.

– Ну и что! – Девочка сжала кулаки, упрямо уставилась на мужчину. – Он птица, а мы люди, так нельзя!

Попугай расхохотался. Спорщики уставились на него.

– А малышка-то непроста! – Жако, отсмеявшись, сел на столе, осторожно выпрямил и сложил крылья, проверяя, всё ли в порядке. – Хорошо, пусть будет кофейная лисичка. Закрой глаза, девочка.

– Меня Ирина зовут!

– Хорошо, Ирина! – Попугай серьезно посмотрел на нее. – Я запомню. Закрой, пожалуйста, глаза и помолчи немного. Не мешай мне.

Иринка послушно закрыла глаза, ей было страшно. Она вспомнила мамино бледное лицо, слабую улыбку, руку с постоянной трубкой капельницы в ней, сжала кулаки, зажмурилась еще сильнее. Ей хотелось, чтобы мама выздоровела, чтобы вернулась домой, чтобы не пришлось жить у тети Светы.

– Ну-ну, не нужно слез, – произнес чей-то голос сверху и она открыла глаза. Попугай смотрел на нее со стола, свесив вниз голову. Девочка перевела взгляд на руки. Их не было. Вместо них были две мохнатые темно-коричневые лапы, от которых едва ощутимо пахло свежесваренным кофе. Взгля-

нула на своих попутчиков. Осторожно понюхала носом воздух. От Фокусника тянуло дымом и дешевым одеколоном. От попугая – перьями и немного землей.

– Совсем неплохо, – попугай довольно присвистнул. – Вставай осторожно, тебе нужно привыкнуть к новому облику.

– Некогда привыкать, – Фокусник встал, выглянул в дверь купе. – Поезд останавливается. Мы почти приехали.

Иринка прислушалась. И вправду колеса замедляли свой перестук. Посмотрела вниз, на пол, с нижней полки.

– Не думай, – посоветовал ей попугай. – Прыгай сразу. Тело знает лучше, чем голова, как надо.

Иринка зажмурилась и спрыгнула. Лапы ее поджались и выпрямились, коснувшись пола. В ту же секунду поезд завибрировал и замер, остановившись. Лисичка потрусилась в коридор и, встав на задние лапы, посмотрела в окно.

За окном по-прежнему пылал закат и плыли облака-корабли. Поезд стоял на большом лугу. Вдали виднелся лес. Фокусник вернулся в купе. Вышел оттуда, держа в руках цепочку. Следом за ним вылетел попугай. Другой конец цепочки был пристегнут к кожаному кольцу на его ноге. Он уселся Иринке на спину и сказал:

– Я поеду на тебе. Так надо.

Фокусник усмехнулся, глядя на него.

– А ты, лукавый, всё-таки хитер. Вот почему она оказалась в поезде. Печешься о собственной шкуре? Знаешь, что

чистая душа не только проводник, но и ключ?

– Никому не хочется застрять в лимбе, – огрызнулся попугай. – У тебя есть проводник-ключ, а что делать мне?

Фокусник равнодушно пожал плечами и зашагал в тамбур. Иринка торопливо побежала следом.

В тамбуре мужчина развернулся к двери на закат, привычным жестом положил руку на грудь, прислушался к чему-то, распахнул дверь и спрыгнул в высокую траву, которой поросла насыпь. Попугай крепче вцепился ей в шерсть, звеня цепочкой. Ирина заколебалась. Земля казалась далеко. Лисым нюхом она острее, чем прежде чувствовала запахи – железной дороги, прогретой солнцем земли, полыни и незнакомых ей маленьких голубых цветов. Фокусник заметил ее колебания, вытащил из вагона и поставил на землю, бросив коротко:

– Держись возле меня.

Лисичка переступила лапами, разглядывая сухую землю между ногами. Попугай взлетел с ее спины, сделал круг над головой фокусника, опустился ей на спину, позвякивая тоненькой серебряной цепочкой, прошептал:

– Не отставай от нас. Потеряешься.

– Что вы там шепчетесь? – Оглянулся на них фокусник и дернул цепочку. – Жако, пересядь ко мне на плечо.

Попугай молча перелетел к фокуснику. Иринка посмотрела на своих загадочных попугачиков. Жако стал больше и оперение его теперь отливало голубым. Фокусник перестал

сутулиться, резкие морщины на лице разгладились, исчезла желчная складка возле рта. Он даже робко улыбнулся. Но потом снова поджал губы.

– И куда мы теперь? – проворчал попугай, ероша перья. Лисичке показалось, что по ним скользнули красные искорки.

– Искать вход, а точнее выход отсюда, – пожал плечами фокусник, приложил руку к груди, осмотрелся, пробурчал:

– Пойдемте, нечего тут стоять, – и, не оборачиваясь на поезд, двинулся в сторону леса.

Иринка поспешила следом. Ступать по густой траве было неожиданно легко. На краю луга фокусник дернул за цепочку и сказал:

– Жако, посмотри.

Попугай послушно поднялся в воздух, сделал круг над головой фокусника, спустился обратно.

– Вон там есть тропинка. – Он указал клювом влево.

– Отлично! – Фокусник двинулся вдоль леса. Тропинка и вправду была. Узкая, похожая скорее на русло высохшего ручья, чем на тропинку. Фокусник ступил на нее и вошел в лес. Осмотрелся, снова приложил руку к груди и уверенно зашагал вперед. Иринка потрусила следом, озираясь по сторонам. Ей не нравился этот лес. В нем было тихо и душно. Она принюхалась, но чуткий лисий нос не уловил запахов цветов или сосновой хвои, которой была усыпана земля. Все ароматы остались на лугу, возле поезда. Птиц и на-

секомых тоже не было слышно. Только тихо стояли вокруг сосны, да росли кое-где низкие кусты с гладкими, блестящими, словно лакированными, листочками. Даже трава, пробивающаяся сквозь ковер из сосновых иголок, ничем не пахла. В какой-то момент девочке показалось, что они идут так уже целую вечность. Видимо, почувствовал это и попугай. Он встрепенулся и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.